

В дни Татарстана, которые прошли в столице России. Качаловский театр привез «Ревизора»! «Срочный портрет с посторонними»! Степана Лобозерова и «Счастье — это ты» по рассказам Александра Давиденко и Бориса Васильева.

Каждый волен делать то, что хочет, у каждого человека есть свое собственное увлечение. Каждому свое. Но бывает и так, что хобби имеют целые коллективы. Например, у казанского большого драматического театра имени В. И. Качалова очень редкое увлечение. Он коллекционирует главных режиссеров. Чуть ли не каждый сезон — новый «главный». И трудно сказать, отчего: то ли не нравятся театральным кормицам столицы Татарстана, то ли у местной труппы столь неуживчивый характер. А страдает, как и положено, невинное мирное население, зритель. Последние десять лет казанцам только и оставалось уныло следить за судьбой Русского драматического.

И вот грянул сезон 94-й, а с ним привычные перемены в судьбе театра. Новый главный режиссер, новые спектакли, новый подход к Качаловскому театру, в частности, и к искусству сцены вообще.

Александр Яковлевич Славуцкий начал с эпатажа публики. Народ, едва ли не привыкший к чернухе, порнухе и прочим «ухам», нынче эпатируют Гоголем. Удивлению не было границ: «Ревизор»? Почему «Ревизор»? Старая комедия со школьной скамьи осела в головах «развращенной сатирой на русское чиновничество».

Журнал и сценарий - 1995 - 8-15 ноября - 4-54

В КАЗАНИ, КАК ПО ВСЕЙ РОССИИ

вои, кто пойдет на такой спектакль?

Но Славуцкий сумел отыскать новое в старом. История про Хлестакова окрасилась самыми современными красками. И за беспардонным выпрашиванием денег «регистраторы» из Петербурга ластелись заученными нотками. Правда, любезный Иван Александрович действует проще — без «Лень Голубовича» и «просто Марий». Но обещает то же самое — светлое будущее.

Впрочем, Хлестаков в спектакле — фигура не архаичная. На первый план выходит и поднимает голову Городничий — Антон Антонович Сквозник-Дмухановский. А Калаганов делает своего героя «живее всех живых», его Городничий понимает и трогателен в своей покаянности. Ну да, не ангел с крылышками, а что делать! Жизнь, она тоже не медовой прелестью. Семейство на шею, дочка Мария Антоновна (Е. Ненашева) друга душой, — но родная кровь! — кто о ней позаботится, кроме любящего папашки? И возникает столь современный лозунг — хочешь жить — умей вертеться. Вот и вертится Антон Антонович, перебирая то тут, то там. И все бы хорошо, и все было ладно, да как снег на голову, валится страшное начальство из Центра, а за что? Все так живут — попал на место, сорви куш побольше.

«Обличительная сатира» потихоньку превращается в историю о том, как жили-пожили люди. Пусть люди не такие уж хорошие, но люди. Прибыл заезжий вертопрах, перевернул всю их жизнь и —

дай Бог ноги в даль светлую. А этим, потерявшим все, как жить? Как жить городничихе, как жить опозоренной Марии Антоновне, как жить обманному Городничему?

И страшной несправедливостью звучит архангельский глас за сценой «Чиновник, прибывший с особым поручением из Петербурга...» — и дальше по тексту.

Николай Васильевич Гоголь видел в настоящем ревизоре Божьего судию. Но как быть с милостью Божьей? Да нет ее: медленно-медленно раздвигаются декорации, являя залу недрабную плитку-мозаику Сквозник-Дмухановского. Не чиновника — Человека.

В мире и так много зла. Может быть, пора не только смеяться над Городничим, но и пожалеть его?

Именно за эту концепцию и голосует зритель — полным залом, криками «Браво» и аплодисментами.

В эпоху политических метаний, экономического ерзания, всеобщей неустроенности и неразберихи, всеобщей озлобленности зритель голосует за маленькую (хотя бы маленькую!) толпу понятного.

Может быть, поэтому такой популярностью пользуется еще один спектакль Славуцкого на качаловской сцене — «Плутни Скапена» (Мольера). Спектакль решен в подчеркнуто «холодовой» манере — то ли игрища поселям, прервавших полевые работы, то ли сказка, рассказанная кукольником с помощью мерзопеток — игра в театр, легкий зами-

тельный фарс. Другая жизнь, в которой только и забот, как бы вытрясти из обоих папаш побольше денег да соединиться с любимыми.

В эту жизнь с равным удовольствием играют и актеры «со стажем» В. Кешнер, Ф. Пантюшин, Ю. Федотов и молодые Т. Бушуева, Н. Козак, К. Ярмолинец.

Спектакли Славуцкого, помимо других достоинств, имеют одно неоспоримое: режиссеру удалось создать на сцене ансамбль. Такого в Качаловском театре не было давно, со времен таинственных «Мастера и Маргариты» и «Смерти в усадьбе». Хорошие актеры в театре были всегда, но чаще единого оркестра на сцене не получалось — каждый вел свою партию.

Особенно блестят в этом отношении «Скапен», мольеровская комедия становится все крепче.

Скапен Ф. Пантюшина не просто лачинка-слуга, а человек, получающий удовольствие от игры собственного интеллекта. О да! Человек, безусловно, одаренный, он не поднимается выше планки, отпущенной ему судьбой, но Скапен выторговывает у судьбы свои победы. Он выпрыгивает у нее свои звездные мгновения — когда молодые хозяева, стоящие на сотню ступенек выше по социальной лестнице, бегут за помощью к нему, и слуга.

Скапен и его господа созерцают друг друга с презрением. Они презируют его за малую значимость в мире сам, они — за глупость. Сразу возникает пара-

фраз с Фигаро: «Вы, только давший труд себе родиться, и я, всего добившийся своим умом...»

И еще одна премьера Славуцкого — «Семейный портрет с посторонними» современного драматурга Степана Лобозерова. Эпиграфом к этой пьесе можно было бы поставить: «Весь мир — большая психушка. Тем более — Россия».

И пьеса, и спектакль наши — российские. Все мы из такой вот деревни — корнями, генами своими. Кому не знакомо разгульное застолье, прерывающееся либо плачем, либо дракой, чтобы через минуту-две продолжиться вновь? Кому не знаком бабий (по-другому не скажешь) вздох крик по самой себе? Открывается, отголосит, «выпустит пар» и снова, а ту же самую упряжь — тащить на себе дом, семью. Во время спектакля, равно как на сцену, интересно смотреть на зал. Зрители узнают в героях пьесы самих себя, родню свою.

А сюжет пьесы незамысловат и остроумен: в некую деревню приезжает из города художник. Его определяют на постой в одну из изб, и дабы пресечь возможные романы между заезжим «гением» и молодой хозяйкой, завлукбом объявляет художнику, что в семье, где он остановился, — все как на подбор психи. Деревенские же извещают, что художник — сумасшедший. Вот из этого и рождаются смешные ситуации, основанные на всеобщем взаимном страхе.

И кипит-кипят страсти, и поднимает человек против человека «иноженишко» или топор: Да основись ты, сядь, по-

слушай! Может быть, и делить-то тебе нечего, и нечего бояться. Но не останавливаются, не слушают друг друга люди — ни в жизни, ни на сцене. Закусив удила, мчитесь Русь — ася в мыле, с выпученными глазами, не разбирая дороги. Да стой же!

Но робкий голос разума глущится водкой и разудалым «Сиреневым туманом» во все глотки — кто на что горазд. В «Семейном портрете» «Сиреневый туман» становится эдаким гимном идиотизма.

Ах, с каким воодушевлением горланят его на сцене деревенские: Катя (М. Кобчикова), Тимофей (Ю. Федотов), Бабка (Г. Ишкова) Михаил (В. Степанов) и Тая (Т. Бушуева), пока стучится к ним в запорту дверь заезжий художник (Н. Козак): «Я свой! Я тоже псих!»

Да и мы в зале недалеко от них ушли и в пору подпеть: «Сиреневый туман падал нами проплыва-а-вет...»

Итак, в КБД имени Качалова — снова новый главный режиссер, чьи работы вызвали несомненный интерес.

Маргарита ШИПЕЛОВА.
КАЗАНИ.

Сцена из спектакля «Ревизор»
● Мария Антоновна — Е. НЕНАШЕВА.

● Хлестаков — К. ЯРМОЛИНЕЦ.

Фото Л. Белкина.

СТАЛМАРКАШ

8-15.6.95